

Институциональные факторы повышения конкурентоспособности российской национальной экономической системы

© 2009 В.И. Куц

кандидат экономических наук

Московский институт электроники и математики (Технический университет)

В статье обосновано, что когда институты обеспечивают необходимую коммуникацию индивидуальной энергии созидания с преимуществами улучшенной общественной среды, тогда запуск механизма социодинамического мультипликатора экономического роста становится неизбежным, и с этого момента реализация интереса общества как такового начинает приносить индивидуальные выгоды.

Ключевые слова: институты, социальный эффект, конкурентоспособность, национальная экономическая система.

В современной экономической теории практически общепринятым является положение о том, что наличие у индивида *специфицированных и защищенных* прав собственности на ресурсы и результаты их использования выступает основой любой производительной деятельности, предпосылкой возникновения действенных *стимулов* к *эффективному* использованию этих ресурсов. Владелец незащищенных прав собственности будет использовать такие ресурсы с *минимальной эффективностью*, поскольку создаваемый “излишек” продукции (сверх минимума, необходимого для выживания) может быть *присвоен* без какой-либо компенсации любым другим индивидом, обладающим более высоким потенциалом насилия.

Приведенное *логическое* обоснование экономического значения защищенности прав собственности находит и многочисленные *эмпирические* подтверждения. Наиболее ранние работы в этой сфере исследований были выполнены П. Мауро, С. Нэком и П. Кифером, Р. Барро и Дж. Свенссоном. Основываясь на эконометрическом анализе межстрановых данных, они продемонстрировали достаточно тесную *положительную* связь между различными индикаторами качества национальных институтов, в том числе и институтов, определяющих надежность защиты прав собственности, и темпами экономического роста. Более поздние работы (с использованием уточненных данных) подтвердили корректность проведенных исследований и вытекающих из них выводов относительно важности защищенности прав собственности для экономического роста. При этом авторы установили, что плохо защищенные права собственности негативно сказываются на инвестициях как в “физический” капитал (С. Нэк и П. Кифер, П. Мауро), так и в финансовые активы.

Качество институтов и экономический рост могут взаимодействовать двояко: “хорошие” институты положительно влияют на экономический рост, но недостаточный экономический рост может стимулировать поиск ренты со стороны государства и властвующих элит (в форме коррупции, “захвата бизнеса”, прямой экспроприации инвестиций и т.п.). Поэтому *обратная* связь между экономическим ростом и качеством институтов также стала предметом ряда эмпирических исследований. По оценкам М. Грэдстайна, частные коэффициенты корреляции между душевым доходом и различными критериями качества институтов в рамках межстрановых сопоставлений колеблются в промежутке 0,7-0,9. Аналогичные оценки получены и другими экспертами.

Общей чертой указанных работ является *интегральный* учет качества национальных институтов, отсутствие отдельных индикаторов, оценивающих качество защиты правомочий собственности и контрактных прав. Этот недостаток преодолели Д. Ачемоглу и С. Джонсон. Они разграничили “*институты прав собственности*”, защищающие граждан от экспроприации со стороны правительства и представителей властвующих элит, и “*институты контрактации*”, поддерживающие частные контракты между гражданами. Детальный эконометрический анализ межстрановых данных показал, что институты прав собственности оказывают наибольшее положительное воздействие на *долгосрочный экономический рост, инвестиционный процесс* и развитие *финансовых рынков*. Что же касается институтов, поддерживающих контрактацию, то они стимулируют в первую очередь развитие различных форм *финансового посредничества*.

Подобные различия во влиянии на экономику указанных типов институтов, по мнению

авторов, обусловлены тем, что стороны частных контрактов располагают достаточно широкими возможностями по выбору их конкретной формы (чтобы восполнить отсутствие или избежать негативных результатов действия "официальных" институтов защиты контрактов). Вместе с тем они не в силах избежать или как-то иначе противодействовать риску экспроприации их собственности государством и влиятельными элитами (за исключением вывода своих активов в другую страну с более благоприятной институциональной средой).

В последние два десятилетия в мире наблюдался существенный прогресс в методологии сравнительной количественной оценки качества функционирования институтов с целью изучения их относительного уровня развития в разных странах. На сегодняшний день существует ряд регулярно обновляемых международных индексов и рейтингов, отражающих те или иные национальные институциональные аспекты, включая уровень инвестиционных и предпринимательских рисков, степень экономических и политических свобод, уровень коррупции и т.д.

Семейство индексов Worldwide Governance Indicators (WGI) основано на исследованиях Института Всемирного банка и Исследовательского отдела Всемирного банка (World Bank Institute, The Research Department of the World Bank), инициированных в конце 1990-х гг. Даниэлем Кауфманом, Аартом Крээм и Массимо Мастрюцци, при участии Пабло Зоидо-Лобатона (Pablo Zoido-Lobaton). Данные индексы составляются с 1996 г. и до 2002 г. публиковались раз в два года, но начиная с 2002 г. в связи с востребованностью подобных исследований они публикуются ежегодно.

Worldwide Governance Indicators охватывают шесть основных аспектов государственного управления, отражаемых шестью агрегированными индикаторами:

- 1) права граждан и подотчетность государственных органов (voice and accountability);
- 2) стабильность политической системы и отсутствие насилия (political stability and absence of violence);
- 3) эффективность органов государственного управления (government effectiveness);
- 4) качество регулирующих институтов (regulatory quality);
- 5) качество правовых институтов (rule of law);
- 6) антикоррупционный контроль (control of corruption).

Все индексы WGI принимают значение в интервале от -2,5 до 2,5, причем большие значения индекса отражают более высокое качество государственного управления.

Индикатор эффективности органов государственного управления (Government Effectiveness) измеряет качество предоставляемых государственных услуг, качество государственной службы и уровень ее независимости от политического давления, качество выработки политики и ее выполнения, а также уровень доверия к правительству касательно обязательств по выполнению разработанных государственных программ.

Лидирующие позиции по этому индексу в 2006 г. занимали Дания (2,287), Сингапур (2,204), Исландия (2,130). Россия находилась на 132-м месте и имела значение индекса -0,427. В целом, за рассматриваемый период можно отметить незначительный рост индекса для России (см. рис. 1). При этом 2000 г. характеризуется падением значения показателя до -0,608. Далее начиная с 2002 г. видна тенденция к росту показателя, причем максимум был достигнут в 2004 г. (-0,224), но в 2005-2006 гг. эта тенденция сменилась, результатом чего стало лишь незначительное улучшение показателя за период 1996-2006 гг.

Относительно сравниваемой на рис. 2 группы стран Россия имеет низкое значение индекса, что отражает недостаточную эффективность государственного управления. Следует отметить, что внутри рассматриваемой группы отрицательные значения индексов имеют лишь страны СНГ и некоторые страны Латинской Америки (Аргентина, Бразилия). Индикатор качества регулирующих институтов (Regulatory Quality) измеряет способность правительства формулировать и исполнять основные положения и нормы политики, которые не только позволяют развиваться частному сектору, но и стимулируют его развитие.

Таким образом, индекс качества регулирующих институтов отражает взаимоотношения между государством и частным сектором. Самые высокие показатели качества регулирования в 2006 г. имели Гонконг (1,947), Сингапур (1,846) и Дания (1,812). Дания также лидировала по показателю эффективности органов государственного управления. Россия находилась на 137-м месте (из 206 стран, по которым имелись соответствующие данные) и имела значение индекса, равное (-0,447). Это довольно низкое значение показателя в сравнении со странами Восточной Европы (рис. 3). В конце анализируемого периода значения индикаторов России, Украины и Казахстана практически совпадали и, соответственно, являлись низкими по сравнению с остальными рассматриваемыми здесь странами.

При сопоставлении России с ключевыми группами стран можно отметить, что качество регулирования в России значительно уступает качеству регулирования в странах Балтии, странах-лидерах эко-

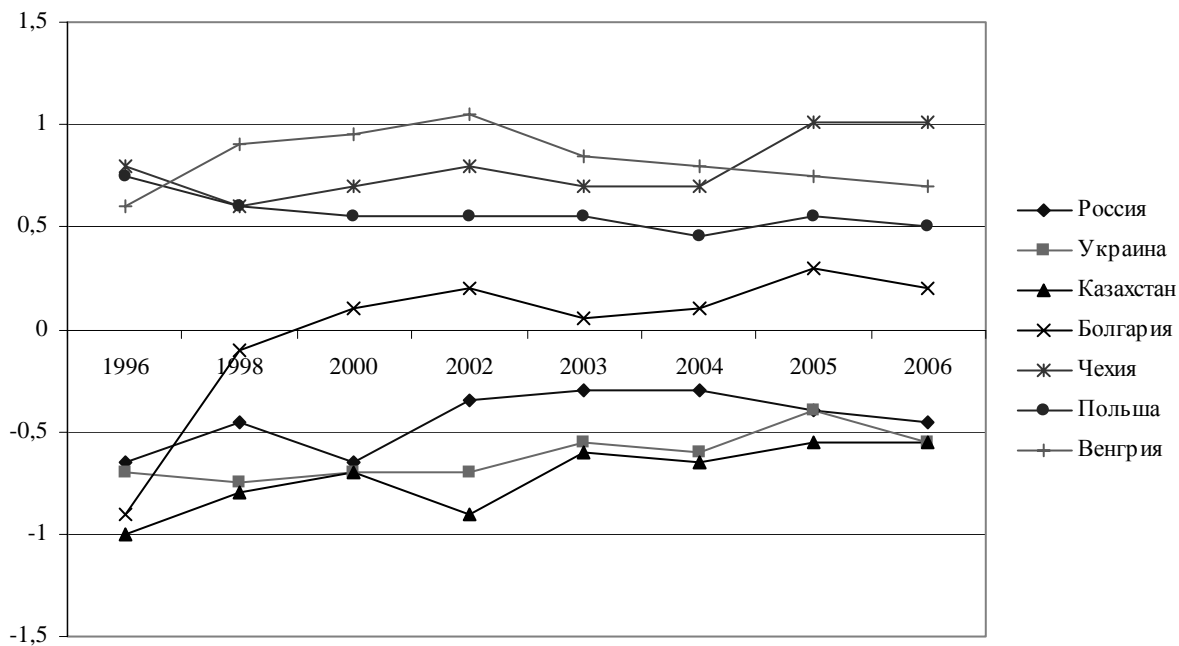

Рис. 1. Индекс эффективности органов государственного управления WGI в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1996-2006 гг. (большее значение индекса соответствует более эффективной системе государственного управления)

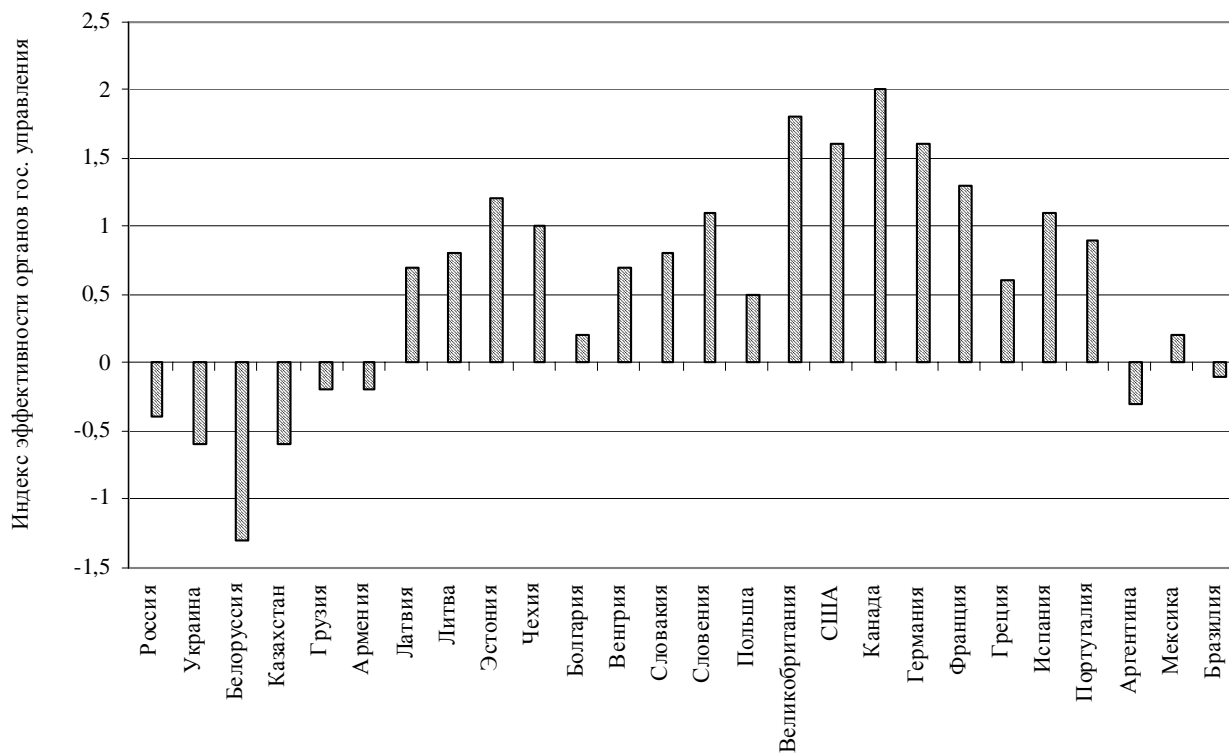

Рис. 2. Индекс эффективности органов государственного управления WGI в 2006 г. Сопоставление России с ключевыми группами стран (большее значение индекса соответствует более эффективной системе государственного управления)

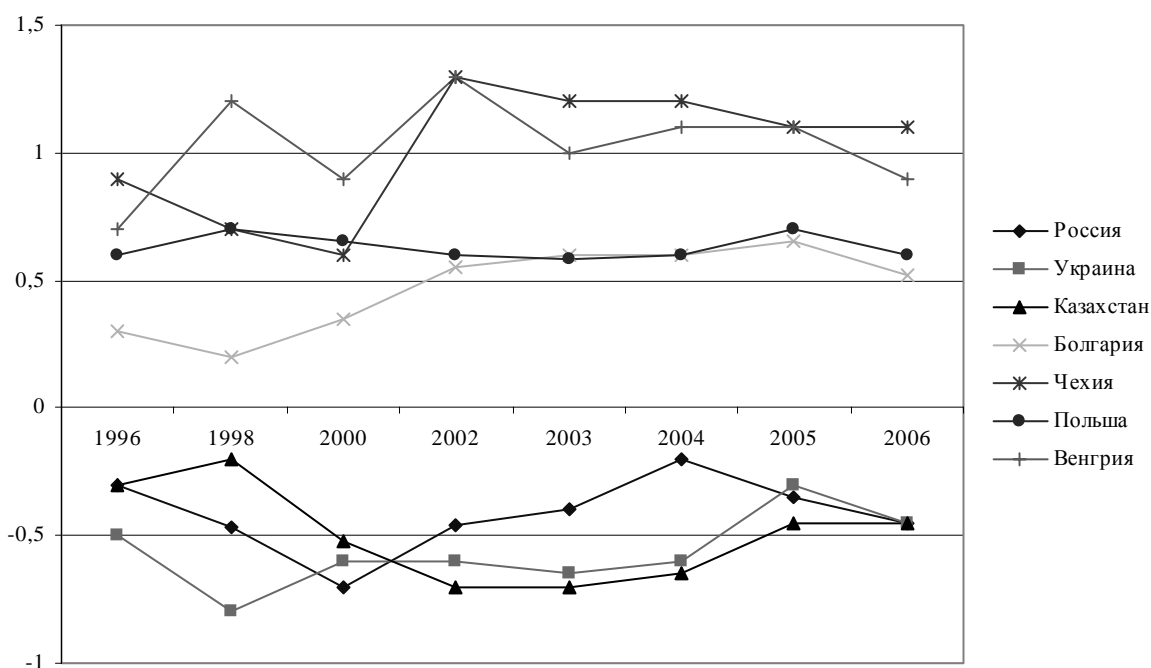

Рис. 3. Индекс качества регулирующих институтов WGI в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1996-2006 гг. (большее значение индекса соответствует более высокому качеству регулирующих институтов)

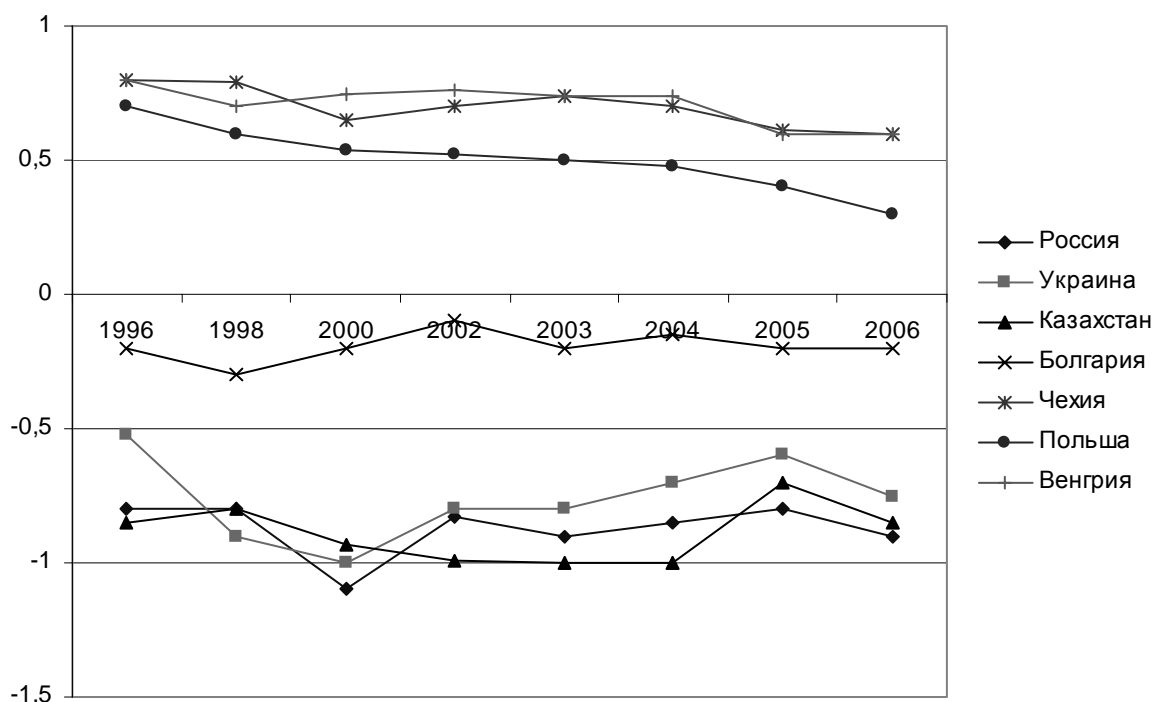

Рис. 4. Индекс качества правовых институтов WGI в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1996-2006 гг. (большее значение индекса соответствует более высокому качеству правовых институтов)

номического развития и, как отмечалось выше, в странах Восточной Европы. Почти все представленные страны СНГ (за исключением Армении) имеют отрицательное значение индикатора, отрицательным значением характеризуется также качество управле-

ния Аргентины. Белоруссия, так же как и по индексу эффективности органов государственного управления, имеет наиболее низкое значение (-1,603).

Индикатор качества правовых институтов (Rule of Law) измеряет степень доверия и уве-

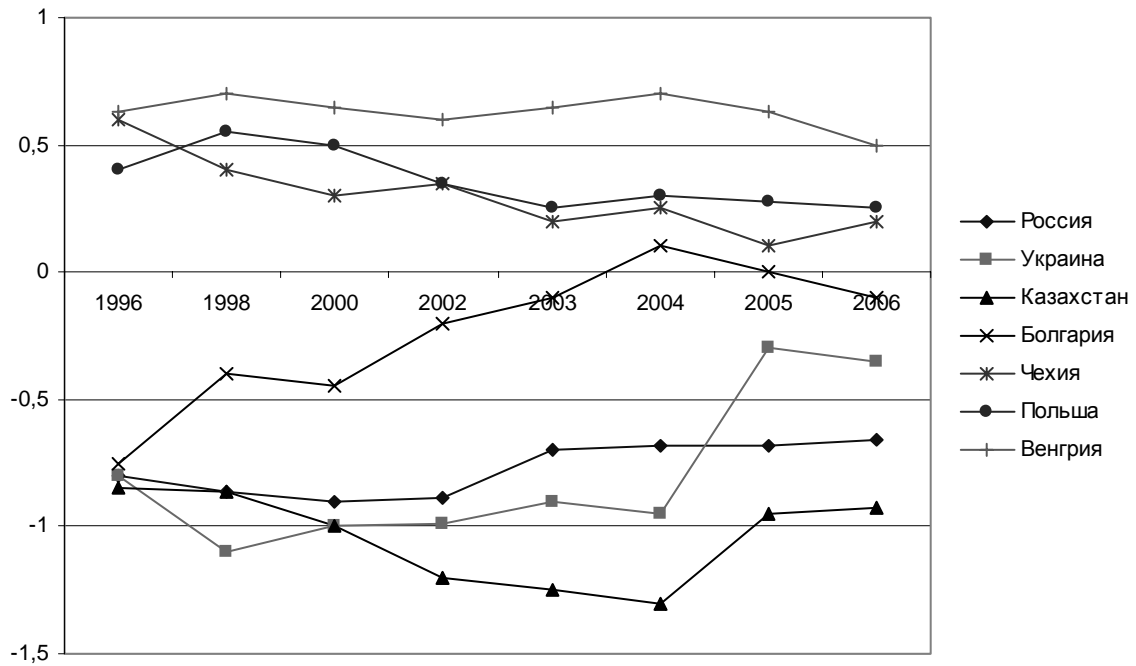

Рис. 5. Индекс антикоррупционного контроля WGI в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1996-2006 гг. (большее значение индекса соответствует более высокому качеству антикоррупционного контроля)

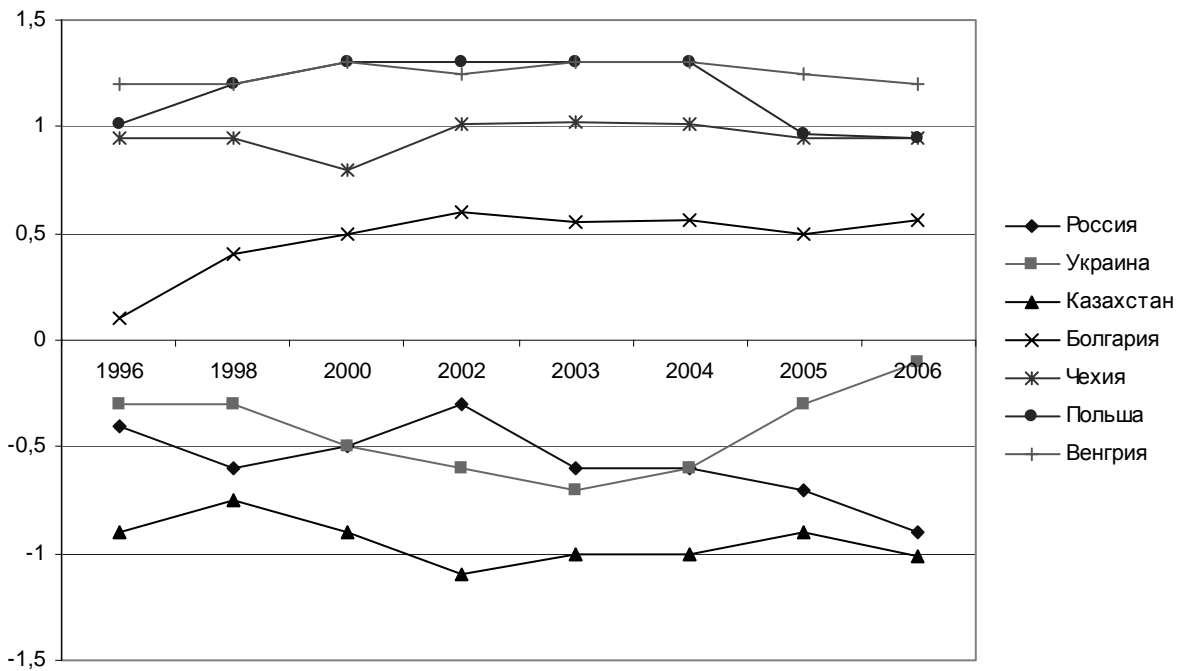

Рис. 6. Индекс гражданских прав и подотчетности государственных органов WGI в России и некоторых других странах с переходной экономикой в 1996-2006 гг. (большее значение индекса соответствует более высокому уровню прав граждан и подотчетности государственных органов)

ренности респондентов в существующих в обществе законах и мере их исполнения респондентами. В частности, оценивается качество контроля за исполнением контрактов, качество работы правовых органов и судов, а также вероятность преступлений и нарушений правовых норм. То есть данный индекс оценивает качество правовой системы и ее эффективность.

В 2006 г. лидерами по индексу Rule of Law были Исландия (2,030), Дания (2,025), Норвегия (2,024). Россия занимала 171-е место со значением (-0,911), следуя за Кубой. В 2006 г. Россия имела самое низкое значение показателя среди рассматриваемой группы стран с переходной экономикой (рис. 4). В начале и практически на протяжении всего рассматриваемого периода (кроме 2000 г., когда наблюдалось резкое падение индекса для России) Россия опережала только Казахстан, но начиная с 2005 г. Россия является последней в данной группе по значению исследуемого индекса.

Россия по значению Rule of Law опережает только Белоруссию и значительно уступает большинству стран в области судебно-правовых норм.

Индикатор антикоррупционного контроля (Control of Corruption) измеряет, в какой степени сотрудники государственных органов используют власть для личной выгоды, включая коррупцию в мелких и крупных масштабах, а также роль элиты и частных интересов в государстве.

В 2006 г. наиболее эффективный антикоррупционный контроль был отмечен в Финляндии (2,574), Исландии (2,465) и Дании (2,390). Россия занимала 157-е место (из 207 стран, по которым имелись соответствующие данные) со значением индекса (-0,758). Это низкий показатель в сравнении с другими странами с переходной экономикой, в 2006 г. Россия опережала только Казахстан. В целом, следует отметить, что за рассматриваемый период Россия имела положительный тренд в изменении индекса, и показатель за период вырос на 0,082 (рис. 5).

Сравнивая Россию с ключевыми группами стран в 2006 г., можно сделать вывод, что ситуация практически аналогична той, которая возникла при анализе предыдущего индикатора качества правовых институтов, это подтверждает тесную взаимосвязь между двумя данными характеристиками институциональной среды. Отличие состоит в том, что теперь из тех стран Восточной Европы и СНГ, по которым доступны данные, отстающей страной является Казах-

стан, а в Литве, несмотря на довольно высокий показатель качества правовых институтов, ситуация с антикоррупционным контролем неблагоприятная (значение индекса близко к нулю). Россия имеет весьма неблагоприятную оценку системы контроля коррупции.

Индикатор гражданских прав и подотчетности государственных органов (Voice and Accountability) оценивает возможности граждан участвовать в выборе органов власти, а также свободу самовыражения, создания ассоциаций и свободу средств массовой информации (СМИ). Иными словами, Voice and Accountability характеризует степень демократизации общества.

Лидерами по данному индексу в 2006 г. были Дания (1,721), Швеция (1,719), Нидерланды (1,671). Россия находилась на 159-м месте в общем рейтинге из 209 стран, по которым имелась соответствующая информация (-0,869). Максимальное значение (-0,380) показателя Voice and Accountability для России было зафиксировано в 2002 г., после чего наблюдалась устойчивая тенденция к снижению индекса.

В итоге в 2005-2006 гг. Россия опережала только Казахстан, имеющий наименьший показатель в перечне рассматриваемых стран с переходной экономикой, хотя в предшествующие годы ситуация в России была лучше, чем еще и на Украине (рис. 6).

Итак, Россия в настоящее время ощутимо отстает в качестве институтов как от экономически развитых стран, так и от ряда стран с переходной экономикой. Большинство стран Центральной и Восточной Европы, а также страны Балтии имеют более высокое качество экономических институтов. Помимо этого, экономический рост, который наблюдается в стране с 1999 г., не сопровождался качественными изменениями в институтах, влияющих на гарантии прав собственности и качество регуляционной среды, не наблюдалось снижения уровня коррупции. В результате для России свойственна нехарактерная для большинства стран мира комбинация относительно высокого уровня развития экономики с относительно низким качеством институциональной среды. По образному выражению Л.М. Фрейнкмана, такую комбинацию тенденций следует назвать "институциональным отставанием". Именно этот феномен препятствует формированию условий для мультипликации положительного эффекта в процессе социоэкономической динамики.

Поступила в редакцию 07.11.2009 г.